

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КАЗАЧИЙ СЕПАРАТИЗМ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918—1920)*

Сергей Николаевич САВЧЕНКО,

кандидат исторических наук, зав. отделом современной истории Хабаровского краевого краеведческого музея Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова

Дальневосточный казачий сепаратизм в годы Гражданской войны возник не случайно. Он получил серьезную идеологическую основу весной — осенью 1917 г., когда казацкие войска России, в том числе и дальневосточные, выступали с требованиями, которые в случае их реализации Временным правительством могли дать казачеству обширные права и свободы. В сентябре 1917 г. казаки выступили с заявлением считать их не сословием, а признать национальностью¹. В годы Гражданской войны казачество играло значительную роль, оно требовало самой широкой автономии и вольности. Как отметил А.И. Деникин, до лета 1919 г. казацкие области Дона, Кубани, Терека «не шли на государственное объединение»², надеясь на дальнейшую политическую и военную помощь, различные антибольшевистские правительства поддерживали их требования.

Автор статьи приводит примеры проявления сепаратизма дальневосточными казачьими атаманами, когда дела шли вразрез как с их декларациями о борьбе «за единую и неделимую», так и с общегосударственными интересами. Атаманы отдавали предпочтение японской политике на русском Дальнем Востоке, не признали власть Верховного правителя адмирала А.В. Колчака, пытаясь достичь казачьего гегемонизма в регионе. Здесь и стремление атамана Г.М. Семенова создать Монголо-Бурятское государство, в которое вошла бы часть земель Забайкальской области. К ним также можно отнести экономические и финансовые соглашения с представителями японских деловых кругов, наносившие ущерб России. Указания некоторых современных исследователей на правомерность создания в 1918—1919 гг. «Забайкальской белой государственности»³ носят искусственный характер. С точки зрения Омского правительства генерала Деникина, сепаратистский режим, установленный Семеновым в Забайкалье и не признавший Колчака, был незаконным и антигосударственным**. В своей работе автор использует донесения представителей адмирала А.В. Колчака на Дальнем Востоке, прямо указывавших на пагубность сепаратистской политики дальневосточных атаманов для России.

Необходимо отметить, что союзные державы, участвовавшие в военной интервенции в России, в частности на Дальнем Востоке, преследовали

* Статья написана при финансовой поддержке правительства Хабаровского края в рамках регионального конкурса РГНФ «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном», 2004.

** На наш взгляд, о правомерности термина «забайкальская белая государственность» можно говорить только после указа адмирала Колчака от 4 января 1920 г.

собственные геополитические цели, они не стремились «помочь русскому народу в борьбе с большевизмом». Основная борьба развернулась между США и Японией. Англия и Франция не участвовали в крупномасштабной военной интервенции на российском Дальнем Востоке. В планах США было экономическое завоевание региона, установление контроля над транспортными артериями, прежде всего над Транссибирской железной дорогой, вытеснение Японии с дальневосточного рынка. Поэтому приход к власти сильного централизованного русского правительства не отвечал интересам США.

Япония также намеревалась экономически завоевать Дальний Восток и бесконтрольно эксплуатировать его природные ресурсы. Предусматривалось создание прояпонского протектората в регионе, даже отчуждение его от России и включение в состав Великой японской империи. Кроме русских территорий в нее вошли бы отторгнутые от Китая Маньчжурия и Монголия⁴. Япония не была заинтересована в появлении сильного централизованного правительства в России, поэтому поддерживала отдельные действия казачьих атаманов. Соперничество между США и Японией, в которое были вовлечены и дальневосточные казахи атаманы, внесло свои коррективы в ход Гражданской войны на Дальнем Востоке. Атаманы Г.М. Семенов, И.П. Калмыков, И.М. Гамов, А.Д. Кузнецов стали проводниками политики Японии, направленной на создание прояпонского протектората на территории русского Дальнего Востока. В этих событиях они не играли самостоятельной роли, а лишь являлись выразителями японских интересов. Пользуясь поддержкой Японии, атаманы, особенно Семенов, пытались решать вопросы, которые находились вне их компетенции, зачастую нанося вред России. В своей деятельности, направленной против советской власти, атаманы опирались на финансовую поддержку союзных держав, прежде всего Японии. И если весной 1918 г. союзники в роли лидера дальневосточного казачества видели Калмыкова, то затем ставка была сделана на Семенова.

Особый маньчжурский отряд (ОМО) есаула Семенова был организован 9 января 1918 г.⁵ Согласно свидетельствам семеновцев ОМО сразу стал финансироваться союзными державами. Так, в брошюре «Деятельность Особого Маньчжурского Атамана Семенова отряда», вышедшей в начале 1919 г., признавалось, что первой финансировать отряд стала Англия, затем Франция и Япония. Авторы констатировали, что Япония «во все времена деятельности ОМО была лучшим и искренним его другом, помогая всем: и деньгами, и оружием, и добровольцами, и устранением неблагоприятных для отряда политических обстоятельств и т.д.»⁶

Видную роль в организации отряда Семенова сыграл русский посол в Японии Н.П. Крупенский, который выделил атаману «боксерские деньги», а также оставшиеся от Временного правительства на военные заказы⁷. 3 февраля 1918 г. Крупенский оповестил русского посланника в Пекине князя Н.А. Кудашева о том, что удалось решить вопрос о снабжении отряда Семенова, причем «японское правительство официально не будет причастно к этому»⁸. В середине февраля 1918 г. правительство Японии приняло решение оказать поддержку атаману Семенову⁹.

15 апреля 1918 г., вскоре после вторжения отряда Семенова в Забайкалье, было создано Временное правительство Забайкальской области «для восстановления порядка и законности». В него вошли атаман Г.М. Семе-

нов, генерал И.Ф. Шильников и С.А. Таскин¹⁰. 16 апреля 1918 г. Крупенский сообщал Кудашеву о переводе Японией через Иокогама Спеси Банк средств для мобилизации в Забайкалье¹¹. В общей сложности Япония через своего представителя при атамане Семенове капитана Куроки к июню 1918 г. передала на нужды ОМО свыше 3 млн. руб.¹² Соответствующим образом финансировались и другие дальневосточные атаманы. Как отмечал адмирал А.В. Колчак, дальневосточные казахи атаманы получали от Японии строго дозированную денежную помощь, а также оружие, что позволяло держать их под контролем¹³.

К лету 1918 г. у Семенова были близкие отношения с японцами. Как заявлял генерал Шильников в феврале 1919 г., уже к июлю 1918 г. у Семенова был договор с японцами, согласно которому он отдавал им в разработку все золотые прииски в Забайкалье. При этом атаману «...выплачивается 5% с валового дохода... у него много денег положены на чужие имена». Представители Англии и Франции требовательно относились к правильному составлению отчетности и были экономны. Японцы же при финансировании отряда, по словам интенданта ОМО полковника Бирюкова, не требовали отчета о расходе средств «...давали денег, сколько угодно»¹⁴.

В конце сентября 1918 г. войска интервентов и белогвардейцев свергли советскую власть на Дальнем Востоке. Семенов заявил о своем подчинении Временному сибирскому правительству (ВСП) во главе с П.В. Вологодским. Атаман был назначен командиром 5-го Приамурского армейского корпуса и главным начальником Приамурского военного округа, т.е. фактически главнокомандующим войсками на Дальнем Востоке¹⁵. Вместе с тем командующий американскими экспедиционными войсками в Сибири генерал В. Гревс в докладе начальнику штаба армии США от 1 октября 1918 г. отмечал, что Семенов «...находится фактически на содержании у японского правительства».

31 октября 1918 г. в Хабаровске на совещании атаманов Семенова, Калмыкова и Гамова решился вопрос об объединении трех дальневосточных казачьих войск в союз, походным атаманом которого был избран Семенов¹⁶. Стремление атаманов проводить в регионе самостоятельную политику было подтверждено их отказом вступить в создаваемый Восточный союз казачьих войск. Это перекликалось с планами Японии по созданию на территории русского Дальнего Востока марионеточного государства, во главе которого стали бы зависимые от нее атаманы. Недаром в ноябре 1918 г. военный министр ВСП генерал Иванов-Ринов предлагал сформировать в противовес создаваемому в регионе казачьему корпусу армейский корпус и указывал, что только таким образом «...можно справиться с атаманством... и с интригой японцев»¹⁷.

В результате переворота в Омске 18 ноября 1918 г. Верховным правителем России и Верховным главнокомандующим стал адмирал А.В. Колчак. Он отдал руководителей-«переворотчиков» казачьих офицеров В.И. Волкова, А.В. Катанаева и И.Н. Красильникова под суд¹⁸, что послужило поводом для конфликта между адмиралом Колчаком и атаманом Семеновым, потребовавшим отпустить этих офицеров.

События осени 1918 г. — весны 1919 г. продемонстрировали особую роль Японии в казачьих делах. Япония опасалась, что сильное централизованное русское правительство лишит ее влияния на территорию, контролируемую дальневосточными казачьими атаманами. Сами атаманы

не желали мириться с потерей самостоятельности. Поэтому они, получив соответствующие инструкции японской стороны¹⁹, отказались признать верховного правителя. Семенов, вступив в открытое противоборство с Колчаком, объявил о создании собственной Отдельной восточно-сибирской армии. Забайкальская область, где царил атаман, также выпала из административной ответственности Омска.

23 ноября 1918 г. Семенов предъявил Колчаку ультиматум с требованием в 24 часа передать власть верховного правителя или генералу Хорвату (с 18 ноября 1918 г. верховный уполномоченный адмирала Колчака на Дальнем Востоке), или генералу Деникину, или генералу Дутову, которым он, атаман, подчинится немедленно. В противном случае Семенов грозил объявить автономию всей Восточной Сибири. Колчак на этот ультиматум не ответил²⁰.

Ситуация, сложившаяся на Дальнем Востоке, заставляла Крупенского неоднократно высказываться против сепаратной поддержки отдельных русских отрядов японским правительством. Получив сведения об ультиматуме Семенова, Крупенский обратился к военному министру и начальнику Генштаба Японии с просьбой немедленно принять действенные меры, чтобы заставить атамана прекратить оппозиционные выступления. В разговоре с Крупенским товарищ министра иностранных дел согласился с необходимостью принять меры воздействия на Семенова²¹.

25 ноября 1918 г. полковник Исоме сообщил Крупенскому, что Генштаб осуждает действия атамана, и поручил местному японскому военному командованию «уговорить его подчиниться Правительству» Колчака²². Японский Генштаб 28 ноября 1918 г. заявил, что Япония к объявлению Семеновым независимости Восточной Сибири непричастна и, наоборот, сделает все возможное, чтобы не допустить этого, хотя «в виду личности последнего за успех воздействия на него Штаб, конечно, ручаться не может...»²³.

В разгар конфликта Семенов при поддержке японских деловых кругов укреплял свое положение в Забайкалье. 25 ноября 1918 г. в Чите на совещании в штабе Семенова представители русских и японских торговых-промышленных и финансовых организаций договорились о переводе всех расчетов на иену и об организации Забайкальского торгового-промышленного акционерного товарищества. Его акционерами стали как русские и японские деловые круги, так и сам Семенов и члены его штаба. В декабре 1918 г. Япония заключила договор с Семеновым о получении в свое распоряжение всех золотых приисков Забайкалья. По этому же договору японцы обязывались выплачивать штабу Семенова 5% от валовой добычи с арендуемых приисков, что составляло около 13 пудов золота ежегодно²⁴. Этими соглашениями Семенов ставил Забайкальскую область в экономическую зависимость от японцев.

Между тем конфронтация между Колчаком и Семеновым продолжалась. 1 декабря 1918 г. адмирал Колчак подписал приказ № 61 об отстранении Семенова от всех должностей за неповиновение, нарушение телеграфной связи в тылу армии, что было расценено как акт государственной измены. Генералу В.И. Волкову было приказано из Иркутска двинуть войска на Читу, чтобы «усмирить» Семенова²⁵.

4 декабря 1918 г. Крупенский сообщал Кудашеву о заявлении министра иностранных дел Японии о том, что японское правительство намере-

но помогать снаряжением и финансами отдельным отрядам, поскольку они поддерживают спокойствие и порядок, а это «соответствует японским интересам»²⁶. В середине декабря 1918 г. японцы под предлогом недопущения военных действий на железной дороге разоружили части генерала Волкова. В качестве одного из посредников в конфликте выступил прибывший в Читу главнокомандующий союзными войсками в Сибири французский генерал М. Жанен. Во избежание конфликта с японцами он порекомендовал Колчаку инцидент с Семеновым «замять». Колчак был вынужден отменить приказ Волкову относительно Семенова. Японцы вернули частям генерала оружие, после чего они отбыли в Иркутск²⁷.

Омское правительство в декабре 1918 г. сделало попытку перенести вопрос о разрешении конфликта между Колчаком и Семеновым «в область особенных международных отношений и заручиться содействием союзников». Однако, как констатировал позже управляющий МИД Омска И.И. Сукин, эта попытка показала нежелание союзников сделать какие-либо шаги в данном направлении²⁸. В середине декабря 1918 г. правительство Франции предписало своему представителю в Токио сделать «...энергичное представление Японскому правительству о необходимости принудить Семенова подчиниться... правительству»²⁹ Колчака.

Великобритания 11 и 30 декабря 1918 г. обращалась к Японии с просьбой приостановить помощь Семенову под предлогом того, что его действия препятствуют организации русской армии. В ответ 6 января 1919 г. японская сторона заявила, что после создания в Сибири единого русского правительства Япония предпримет все меры, чтобы Семенов ему подчинился. Пока же такого правительства не создано, поэтому Япония будет продолжать оказывать Семенову помощь и поддержку. 14 января 1919 г. Англия констатировала, что деятельность атамана Семенова может нанести вред всему делу интервенции, необходимо воздействовать на него, а это может сделать только Япония³⁰.

В январе 1919 г. адмирал Колчак в письме генералу Деникину указывал на то, что атаманы Семенов, Калмыков и Гамов, за которыми стоят японцы, относятся к нему враждебно, а отряды атаманов называл «бандами». Колчак говорил о Семенове как о японском агенте, чья деятельность «граничит с предательством». Колчак считал, что призвать Семенова к порядку помешали японцы³¹.

С точки зрения Омского правительства установление в Забайкалье сепаратистского режима Семенова носило незаконный, антигосударственный характер. Его политику поддерживали Амурское и Уссурийское казачьи войска. В апреле 1919 г. генерал Деникин писал Семенову, что противодействие объединению Сибири под властью Колчака «является изменой Родине»³². Чтобы иметь финансовую базу для своей «самостоятельности», а также для реализации договора с японцами, в начале января 1919 г. атаман Семенов передал казенные золотые прииски и серебро-свинцовые рудники Забайкалья в ведение своих военных властей³³. Помощник генерала Хорвата генерал Иванов-Ринов в начале января 1919 г. убедил атамана принять правительственную комиссию для расследования конфликта³⁴. После переговоров Иванов-Ринов оправдал действия атамана и просил Колчака отменить приказ № 61. Он заверял, что в этом случае Семенов немедленно признает его власть и при необходимости выступит на фронт³⁵. Семенов 14 января 1919 г. оповестил начальника штаба

Верховного главнокомандующего генерала Д.А. Лебедева о согласии принять комиссию³⁶.

Представители колчаковской администрации, узнав о решении атамана, пришли к выводу, что дело идет к признанию им власти Колчака. 16 января 1919 г. генерал Лебедев телеграммой потребовал приезда атамана в Омск и гарантировал безопасность его проезда и пребывания³⁷. Семенов отказался приехать в Омск, мотивируя это необходимостью лечения после ранения. Он заявил, что на фронт выступит с теми частями, которые он сформировал и которые избрали его своим походным атаманом. 21 января 1919 г. Омское правительство создало Чрезвычайную следственную комиссию, предоставив ей необходимые права для расследования инцидента³⁸.

Все эти действия вынудили Японию предпринять определенные шаги. 26 января 1919 г. Среди «главных принципов японской политики в России», принятых японским правительством 26 января 1919 г., немаловажное место занимало содействие в объединении Сибири под эгидой единого правительства. С этой целью планировалось оказание помощи в формировании местных казачьих войск, подчинении их единому Сибирскому правительству, правда, на «определенных условиях»³⁹.

Вместе с тем Семенов, продолжая проводить политику неподчинения правительству адмирала Колчака, с согласия и при поддержке японского командования в феврале 1919 г. решил создать так называемую «Великую Монголию» с центром на ст. Даурия. В новоявленном государстве Семенов видел себя главнокомандующим войсками. В его состав должна была войти и часть территории русского Забайкалья, населенная бурятами. Это являлось актом сепаратизма (и даже своеобразным актом измены России) со стороны Семенова.

Идея создания государства, которое объединило бы все монгольские племена, зародилась еще в 1915 г. после подписания в Урге Тройственного соглашения между Россией, Китаем и Внешней Монголией о предоставлении последней автономии⁴⁰.

После революции в России, бывшей покровительницы монголов, жители Барги и Внешней Монголии, боясь покорения китайцами, стали искать выхода из этого положения. Япония, используя панмонгольские идеи, еще с весны 1918 г. начала пропаганду, направленную на образование Монгольского государства. Под ее влиянием население Барги и Внешней Монголии сделало вывод, что только объединение монгольских племен под протекторатом Японии даст им защиту от китайцев, намеревавшихся ликвидировать автономию этих районов. Объединению способствовали и высказанные в начале 1918 г. предложения президента США В. Вильсона о самоопределении малых народов⁴¹. По замыслу Японии, Монгольское государство должно находиться под ее протекторатом. Она стремилась объединить южную часть Забайкалья, русский Дальний Восток, всю Монголию и северную часть Маньчжурии в одно государство, тем самым устанавливалась гегемония Японии в Азии, Россия же теряла выход к Тихому океану. После Февральской революции многие буряты-казаки вышли из-под управления станичных правлений и вошли в состав хошунов и аймаков⁴².

Налаживать отношения с монгольскими князьями Семенов стал еще в ноябре — декабре 1918 г.⁴³ 20—24 ноября 1918 г. в Верхнеудинске про-

ходил бурятский съезд, который приветствовал Семенова «как стойкого борца с большевизмом за государственность» и выразил уверенность, что и в дальнейшем атаман будет защищать интересы бурят⁴⁴. Съезду был представлен проект создания Монголо-Бурятской республики, который затем одобрили высшие духовные монгольские власти⁴⁵.

Осенью 1918 г. — зимой 1919 г. шла подготовка к созданию вновь образованного государства, что вызвало большое беспокойство Омска. Оценивая ситуацию на Дальнем Востоке и в Сибири, японская газета «Риото-симко» 26 декабря 1918 г. отмечала, что Семенов является проводником влияния Японии и, пользуясь ее поддержкой, добивается реализации своих целей, которые, по убеждению газеты, «вполне осуществимы». Они заключались в провозглашении независимости Дальнего Востока, а затем его объединении в одно государство с Внешней Монголией, бурятами, калмыками, киргизами. Кроме того, Семенов прилагал все усилия, чтобы в регионе находились только японские войска⁴⁶. С осени 1918 г. он стал исподволь действовать против возвращения бурят-казачков в станицы. Это стало частью общего плана по созданию задуманного совместно с японцами Монголо-Бурятского государства. Кстати пришелся и конфликт с адмиралом Колчаком, под прикрытием которого Семенов продолжал проводить антигосударственную деятельность.

Атаман не отрицал, что выделение Монголии и Тибета отвечает интересам Японии и что его деятельность в этом направлении находит поддержку среди японских военных. Бурятам было разрешено выходить из казачьего сословия в хошуны, перекочевывать в Монголию. Семенов также стремился распространить свое влияние в полосе отчуждения КВЖД, для чего под благовидным предлогом планировал ввести в Харбин войска⁴⁷.

В конце февраля — начале марта 1919 г. в Чите проходил съезд, инициатором которого был Семенов⁴⁸. Присутствовал и японский представитель майор Суцзуи. Съезд принял решение образовать самостоятельное Монгольское государство в составе Внутренней и Внешней Монголии, Барги и русских бурят. Было образовано Временное правительство во главе с Нэйсэгэгэном, создавалась армия. Столицей объявлялся Хайлар, но временно ею оставалась Даурия.

Съезд постановил послать в Париж делегатов с поручением просить Вильсона о поддержке и признании самостоятельного Монгольского государства. Семенов доложил съезду о переговорах с представителями США, Франции и Японии об образовании этого государства и о том, что они «отнеслись сочувственно к этой идее». Атаман еще в январе 1919 г. отправил делегатов в Париж с поручением от имени монголов ходатайствовать о признании их самостоятельности. Семенов обещал в течение месяца выдать на расходы Временному правительству 1 млн. руб., принял на себя «хлопоты по заключению займа у одного из иностранных государств на 6 млн. лан серебра», а также взял на себя обязательство построить казармы и снабдить монгольские войска вооружением. Выполнить обещания он мог только с помощью Японии.

Съезд направил делегатов с докладом к капитану Куроки, который заявил, что доволен работой съезда и немедленно отправляется в Токио. Он также обещал полное содействие со стороны Японии. Делегаты заявили, что Россия всегда покровительствовала монголам, а теперь они надеются на такое же покровительство Японии. В ответ на запрос делегатов

о вводе китайских войск в Монголию Семенов разъяснил, что по согласованию с иностранными представителями во Владивостоке он примет меры против их ввода. Атаман оповестил, что немедленно выезжает во Владивосток. 6 марта 1919 г. съезд завершил работу⁴⁹. Таким образом, во время съезда Семенов решал вопросы, которые находились вне его компетенции.

Во Владивостоке атаман продолжил работу по созданию «Великой Монголии» уже с представителями союзников⁵⁰, однако его планы потерпели фиаско. Представитель США во Владивостоке отказался принять декларацию о независимости нового государства и послание премьер-министра «Даурского правительства» президенту США Вильсону. Не признала «Великую Монголию» и Япония, отказав делегации в поддержке, так как к этому времени в монгольских делах она переориентировалась на китайских генералов. Не получила монгольская делегация и виз для поездки на конференцию в Париж⁵¹.

12 марта 1919 г. Крупенский сообщал в Омск и Кудашеву о заявлении министра Японии, что «движение в пользу учреждения монголо-бурятского государства не является делом серьезным и не будет иметь никакого успеха»⁵². 18 марта 1919 г. Кудашев в телеграмме Хорвату отметил, что, хотя «затея Монгольского съезда носит легковесный характер», он считает ее опасной с точки зрения российских интересов. Он подчеркнул, что, несмотря на официальную дистанцию японского правительства относительно монгольского вопроса, японские военные круги заинтересованы «...в создании состояния смуты в соприкасающихся с нашей территорией краях, которое оправдывает бессрочное оставление в наших пределах японских войск и их влияния»⁵³.

В это же время проводила расследование Чрезвычайная следственная комиссия, направленная сначала в Иркутск, а затем в Читу для разбора конфликта между Колчаком и Семеновым. В своей работе она встретила немало препятствий как со стороны атамана, так и его подчиненных. Семенов предложил прибывшей комиссии расследовать только вопрос о признании им Омска, в противном случае он откажется от ее услуг⁵⁴.

16 марта 1919 г. генерал Шемелин сообщил председателю комиссии, что атаман Семенов отдал распоряжение признать ее права и разрешил допуск к производству следствия, но лишь «в отношении оснований, послуживших к изданию приказа № 60». При этом постановление Совета министров от 21 января 1919 г., по словам Шемелина, не могло служить основанием для требований, обращенных к подчиненным Семенова, так как это правительство атаманом еще не признано⁵⁵. Таким образом, приняв в Чите Чрезвычайную следственную комиссию, атаман фактически запретил расследовать какие-либо дела, не относящиеся к сути инцидента между ним и Колчаком.

23 марта 1919 г. комиссия телеграфом отправила в Омск доклад о ходе своего расследования. В нем признавалось, что, хотя признаков измены не обнаружено, полное расследование провести не удалось из-за противодействия со стороны подчиненных Семенову лиц. Политика атамана названа «сепаратистско-авантюристской». Комиссия обнаружила, что Семенов допустил множество нарушений: и участие в создании самостоятельного Монгольского государства, и незаконный захват личности из местного отделения Госбанка, незаконная передача казенных золотых про-

мыслов Семеновским военным властям, и договоры с японцами о передаче им золотых приисков Забайкалья, и уклонение от отправки воинских частей на фронт, реквизиции и др. Деятельность Семенова признана «безусловно антигосударственной и направленной во вред Родине»⁵⁶.

2 апреля 1919 г. генеральный консул США в Сибири Гаррис, рассматривая в своем послании в Вашингтон ситуацию в Сибири и на Дальнем Востоке, констатировал, что власть Колчака укрепляется, однако «казаки, предводительствуемые Семеновым и Калмыковым», которые «зарекомендовали себя реакционерами и насильниками...», мешают этому. Для улучшения ситуации в Сибири Гаррис предлагал предоставить Колчаку финансовую и материальную помощь. Гаррис осуждал тайные поставки оружия Японией Семенову и Калмыкову, так как считал, что этот «секретный дар... стимулировал сепаратистские действия реакционеров...» Поэтому предлагалось заключить соглашение между союзниками, чтобы не оказывать никакой помощи и поддержки любому казачьему деятелю, который «чинит помехи Колчаку»⁵⁷.

На Дальнем Востоке в рядах Белого движения продолжала существовать «ненормальная ситуация», когда один из его лидеров, атаман Семенов, отказывался признавать адмирала Колчака Верховным правителем. Это мешало консолидации антибольшевистских сил, наносило им огромный вред, тем более что в фарватере политики Семенова, несмотря на признание власти Колчака, продолжали идти и Амурское, и Уссурийское казачьи войска. Поэтому зимой — весной 1919 г. интервенты, представители колчаковской власти и казачьи круги Сибири и Урала, предпринимали все возможные меры для ликвидации этого конфликта.

В конце марта — начале апреля 1919 г. во Владивостоке прошли переговоры между атаманом Семеновым, генералом Ивановым-Риновым и приехавшим из Омска японским генералом Такаянаги об условиях признания атамана адмирала Колчака. После согласования мнений Иванов-Ринов и Такаянаги поддержали требования Семенова.

5 апреля 1919 г. управляющий МИД Омска И.И. Сукин сообщил Кудашеву и Крупенскому о послании японского правительства, в котором оно не соглашалось на полное отстранение атамана, высказывало желание восстановить Семенова в должности и оставить во главе казачьих войск. Омск, принимая во внимание доклад Чрезвычайной комиссии, посчитал невозможным оставить Семенова начальником военных сил на Дальнем Востоке. В то же время Сукин признал, что Омск находится в зависимости от помощи Японии и не может обострять с ней отношения из-за Семенова⁵⁸.

10 апреля 1919 г. Сукин информировал Кудашева, что после выраженной Семеновым лояльности по отношению к Омску адмирал Колчак считал возможным восстановить атамана в должности командира корпуса, с «введением его в строгие рамки воинской субординации». Сукин отметил, что Омск в полной мере не может согласиться с пожеланиями Японии наделить Семенова особыми правами и «придать ему чрезвычайные военные полномочия»⁵⁹. В мае 1919 г. японцы вновь предложили расширить полномочия Семенова и предоставить ему права командующего армией. Сукин указывал, что на это Колчак согласиться не может⁶⁰.

Весной 1919 г. одновременно с улаживанием конфликта между Колчаком и Семеновым решился вопрос и о Монголо-Бурятском государстве.

К этому времени Япония под давлением заинтересованных сторон сделала выбор не в пользу атамана. Так, 2 мая 1919 г. Крупенский сообщал в Пекин и Омск, что японские военные «...заручились от Семенова обещанием впредь совершенно воздерживаться от участия в монгольской агитации»⁶¹. В тот же день русский вице-консул в Хайларе сообщал в Пекин, что Япония выступила против посылки монгольской делегации в Париж. В этой связи капитан Куроки, который проводил «мысль об образовании Монгольского государства, заменен майором Куросава». На первой же встрече с Нэйсэгэгэном Куросава заявил, что нет никакой необходимости посылать делегацию в Токио, тем не менее Япония будет продолжать оказывать поддержку монгольскому движению оружием и денежными средствами, но делать это будет негласно⁶².

Под давлением обстоятельств и союзников адмирал Колчак был вынужден 25 мая 1919 г. отменить приказ № 61 и назначить Семенова командиром 6-го Восточно-Сибирского корпуса. Получив этот приказ 27 мая, Семенов в тот же день объявил о своем подчинении Омскому правительству и адмиралу Колчаку как Верховному правителю⁶³. Это было политическое поражение Верховного правителя, который ни военными, ни политическими средствами не смог заставить мятежного атамана признать Омское правительство. В подтверждение достаточно высказывания Семенова 23 мая 1919 г. на 3-м Войсковом круге Забайкальского казачьего войска: «Я согласен на подчинение, но в рамках полной и свободной казачьей автономии»⁶⁴.

В июле 1919 г. в руководстве края произошли большие изменения. 14 июля должность Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке была ликвидирована. Главным начальником над русскими учреждениями в полосе отчуждения КВЖД стал генерал Хорват⁶⁵. 18 июля адмирал Колчак назначил генерала С.Н. Розанова командующим войсками Приамурского военного округа⁶⁶. 18 июля 1919 г., несмотря на протесты ряда лиц, атаман Семенов стал помощником Розанова с производством в генерал-майоры⁶⁷.

8 августа 1919 г. советник МИД Омска на Дальнем Востоке М.П. Куренков доносил Н.А. Кудашеву, что Семенов, опираясь на японцев, по-прежнему продолжает «интриговать против Омска». В подтверждение приводит текст телеграммы Семенова Калмыкову: «Не слушайся Дутова. Его политика слишком ясна. Работай над объединением Дальневосточного казачества. Имею тридцать миллионов иен. Провозглашу полную независимость Дальнего Востока. Ни одного человека на фронт не давай»⁶⁸.

В конце августа 1919 г. на встрече генерала Розанова с атаманами Семеновым, Калмыковым и Кузнецовым обсуждались военные и казачьи вопросы. Омск признал решения Войсковых кругов об избрании их атаманами. 29 августа приказом генерала Розанова подтверждалось подчинение всех Дальневосточных казачьих войск походному атаману Семенову, а решение всех казачьих дел этих войск переходило в штаб Семенова⁶⁹.

Атаманы начали искать новые возможности для возрождения казачьего гегемонизма в регионе и передела сфер влияния. К этому атаманов подвигали и поражения колчаковских войск на фронте, и стремление в этой связи идти к прямому захвату власти на Дальнем Востоке в случае краха колчаковской власти. В сентябре 1919 г. между Семеновым и Японией был подписан договор, по которому японская сторона обязывалась обес-

печивать Семенова денежными средствами, реорганизовать русскую монетную систему. Взамен Япония получала «богатства Амурского и Океанского побережья, а также Уральские копи»⁷⁰. Осенью 1919 г. представители администрации Колчака на Дальнем Востоке стали бить тревогу по поводу планов Семенова в регионе.

18 сентября 1919 г. Клемм сообщал Сукину о встрече Семенова с военным губернатором Мукденской провинции генералом Чжан Цзолином в Мукдене. Атаман просил признать его монгольским князем на правах вассала Китая, за что обещал поддерживать порядок, блюсти китайские интересы. Во время встречи с Чжан Цзолином Семенов заявил, что официально Омск и дипломатических представителей России в Китае он признает, но фактически не подчиняется и игнорирует. Атаман просил генерала разрешить занять своими войсками КВЖД от Маньчжурии до Харбина. Чжан Цзолин все просьбы Семенова относительно КВЖД отклонил.

Переговоры велись при содействии японского консула. Во время пребывания атамана в Мукдене консул несколько раз посещал генерала и убеждал его принять предложения Семенова. Кроме того, консул настойчиво убеждал его не препятствовать атаману в его борьбе с Хорватом.

По свидетельству Чжан Цзолина, Семенов «по наущению» стоявших за ним японцев мечтал о диктатуре на Дальнем Востоке и стремился к этому. Он готовил переворот, ожидая лишь удобного случая, чтобы вступить в конфликт с Омском и объявить себя диктатором региона. Чжан Цзолин заявил, что если Хорват обратится к нему за вооруженной помощью для противодействия планам Семенова в отношении КВЖД, то он готов ее оказать. Он заверил, что имеет полную возможность «легко пресечь все попытки» Семенова в отношении КВЖД. Вместе с тем русские представители указали, что Чжан Цзолин дал согласие на пребывание в Мукдене представителя Семенова и высказали предположение, что и генерал, и атаман «все же связаны какими-то общими интересами и целями»⁷¹.

25 сентября 1919 г. генеральный консул в Мукдене Колоколов доносил в Пекин, что на днях японский генеральный консул в Мукдене посетил Чжан Цзолина и заявил ему, что Япония согласна признать губернатора «самостоятельным хозяином» Восточной Монголии и Южной Маньчжурии. В обмен он должен признать за Семеновым исполнение таких же обязанностей «цзы-чжу» во Внешней Монголии при условии, что генерал и Семенов будут поддерживать друг друга⁷². Видимо, эти события подтолкнули Колчака 30 сентября 1919 г. предоставить Хорвату на территории КВЖД права командующего войсками военного округа⁷³.

5 октября 1919 г. Семенов попытался высадить войска в Цицикаре, Хайларе и Харбине. Стремясь усыпить внимание властей, он указал конечным пунктом следования эшелонов с войсками г. Владивосток. Однако «хитрость не удалась». Китайцы потребовали от начальника эшелона семеновских войск или довести эшелоны до пункта назначения, или вернуть их обратно⁷⁴. 7 октября 1919 г. Хорват предположил, что операция, проводимая Семеновым, являлась тайной и что с Омском не согласовывалась. Генерал посчитал акт занятия дороги семеновцами «самочинным антиправительственным выступлением» и заявил, что «подобные действия вынужден не допускать воинской силой»⁷⁵.

8 октября 1919 г. военный министр и командующий Восточным фронтом генерал М.К. Дитерихс сообщил Семенову, что Хорват является

единственным ответственным за КВЖД. Поэтому Колчак приказал Семенову немедленно отозвать свои войска из полосы отчуждения⁷⁶. В тот же день Семенов был вынужден отправить Хорвату успокоительную телеграмму, сообщив, что не посягает на положение генерала⁷⁷.

25 октября 1919 г. начальник контрразведки в полосе отчуждения КВЖД доносил генералу Хорвату, что Семенов идет в русле намерений Японии, которая под видом признания независимости Семенова планирует мирным способом захватить весь русский Дальний Восток. Контрразведчик подчеркивал, что подчинение атамана Омску — фиктивное. Это подтверждал штаб-офицер Семенова Баранов, по его словам атаман в скором будущем обнародует указ о принятии им всей полноты власти в Забайкалье, на КВЖД и Дальнем Востоке и объявит о созыве Учредительного собрания в регионе.

Предшествовать этому должен захват КВЖД путем установления на всех крупных станциях семеновской комендатуры с казачьими командами, ввод в Харбин крупного отряда. С этой целью в Харбин уже стали съезжаться офицеры. Кроме того, Приамурский военный округ и отдаленные области (Камчатка и Сахалин) должны перейти в подчинение атаману.

Семенов пытался реализовывать и свои финансово-экономические замыслы. В октябре 1919 г. по его приказу в Чите были задержаны вагоны с золотом в слитках и золотой монете на сумму 43,55 млн. руб., отправленных Колчаком во Владивосток для оплаты сделок между Омском и союзниками. Несмотря на требования адмирала, Семенов золото по назначению не отправил, а оставил у себя⁷⁸.

В 1919 г. японский предприниматель Такекума Мори, Семенов и его представитель генерал Никонов подписали соглашение о разработке естественных богатств Забайкалья и приобретении концессий. Организованное с этой целью в Японии акционерное общество должно было действовать на основании японских законов. Предполагалось, что во главе его станет бывший товарищ министра финансов Японии⁷⁹. 6 ноября 1919 г. приказом Семенова под председательством генерала Никонова было организовано фабрично-заводское совещание Забайкальской области, задача которого — систематизировать материалы для разработки недр Забайкалья, постройки фабрик и заводов, «пробудить экономическую жизнь в области», привлечь капиталы для практического осуществления намеченных планов⁸⁰.

Однако еще до начала его работы Никонов доносил начальнику 5-й японской дивизии, что конечной целью совещания является «привлечение японского капитала, могущественного орудия закрепления начавшейся дружбы между двумя великими народами». Никонов уверял, что «в дальнейшем это может послужить прочным фундаментом для крепкого союза». Позднее с подобным докладом Никонов обратился к министру финансов Японии⁸¹.

20 ноября 1919 г. Никонов и Мори подписали соглашение по японо-русскому торгово-промышленному акционерному обществу. Фабрично-заводские специалисты на местах должны были содействовать этому обществу, составлять комиссию и проводить совещания с целью определиться, по каким направлениям действовать в дальнейшем. Японцы официально в состав русского совещания не включались, однако Никонов извещал их

о работе секций. При реализации проектов средства выделялись японо-русским обществом, направившим в Читу ряд своих представителей. Кроме того, в работах принимали участие члены японской миссии⁸².

Японские представители вначале проявили большой интерес к изучению экономической жизни Забайкалья. Однако 11 декабря 1919 г. Никонов в письме военному министру Японии отмечал, что «недостаточно уделяют внимания к организации военных металлургических и механических заводов» и в Забайкалье это «диктуется стратегическими соображениями, одинаково важными как для русских, так и для Японии». Он подчеркивал, что постройка заводов для Японии очень выгодна. 13 декабря 1919 г. Мори информировал Никонова о результатах начавшихся работ. Он указывал генералу на неэффективность деятельности совещания и заявлял, что находится в Чите уже 1,5 месяца, а кроме концессии лесной дачи Кико-Туркинской и проекта писчебумажной фабрики больше ничего конкретно не сделано.

26 декабря 1919 г. Никонов обратился к Семенову с рапортом «Об образовании в Амурской и Приморской областях фабрично-заводских совещаний по типу ныне существующего в Забайкальской области и той схеме, по которой оно было проведено в Забайкалье». Однако расчет на совместное с японскими предпринимателями развитие промышленности провалился. Японцы, получив достаточно полные сведения о естественных богатствах Забайкалья, в январе 1920 г. уехали из Читы⁸³.

Между тем обстановка в Сибири и на Дальнем Востоке оставалась сложной для Белого движения, так как в случае окончательного поражения белых армий Семенов может взять власть на Дальнем Востоке в свои руки и установить военную казачью диктатуру. Против этого намерения атамана 19 декабря 1919 г. выступил 7-й Войсковой круг Амурского казачьего войска⁸⁴.

20 декабря 1919 г. представитель Семенова в Харбине полковник Тумбаир-Малиновский поведал генеральному консулу в Харбине Попову о планах атамана. Он понимал, что положение, сложившееся в Сибири, поставит Колчака перед выбором дальнейших действий, по мнению Семенова, у него было два выхода: первый — уехать к генералу Деникину, предварительно вручив особые полномочия на правах наместника в Сибири генералу Пепеляеву и на Дальнем Востоке — атаману Семенову. Если же адмирал Колчак решит остаться в регионе в качестве Верховного правителя, ему придется создать при себе отдел министерств финансов и иностранных дел, а все остальные полномочия передать наместникам.

Время показало, что Семенов был отчасти прав в своих предположениях. По свидетельству чехословацкого представителя в Омске майора Кошека, Семенов успел сделать Омскому правительству предложение по разделению сфер влияния еще в конце ноября 1919 г.⁸⁵ Частично оно было реализовано адмиралом Колчаком в его Указах от 24 декабря 1919 г. и 4 января 1920 г.

24 декабря 1919 г. военно-политическая ситуация в районе Иркутска заставила адмирала Колчака назначить атамана Главкомандующим всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с производством в генерал-лейтенанты. Таким образом, Семенов становился последней надеждой Верховного правителя⁸⁶. Согласно указу адмирала Колчака от 4 января 1920 г. военная и гражданская власть на

Дальнем Востоке перешла в руки атамана Семенова (правда, об этом указе он узнал только 20 января 1920 г.)⁸⁷.

Генерал Розанов предложил на заседании Владивостокского биржевого комитета создать в Приморье независимое государство под протекторатом Японии, что вызвало возмущение среди всех слоев общества⁸⁸. Замысел дальневосточных атаманов провалился. Амурские и уссурийские казаки отказались сотрудничать с новым режимом и в своем большинстве не поддержали колчаковскую власть на Дальнем Востоке.

Оценивая ситуацию на Дальнем Востоке в 1918—1920 гг., можно сделать вывод, что дальневосточный казачий сепаратизм явился одной из причин поражения Белого движения в России. Борьба атаманов с правительством адмирала Колчака разобщала Белое движение, вносило раскол в его ряды. Несмотря на все уверения, клятвы, дальневосточные атаманы под различными предложениями так и не дали ни одного казака и солдата из подчиненных им войск на Восточный фронт для борьбы с Красной Армией. Прямое следование в русле японской политики наносило огромный моральный вред антибольшевистским силам, так как в общественном мнении они стали напрямую ассоциироваться как пособники интервентов. Развязанный атаманами жестокий террор против мирного населения поднял против Белого движения не только рабочих и крестьян, но заставил перейти на сторону народа колчаковские войска и большинство дальневосточного казачества.

¹ Свободное Приамурье. Хабаровск, 1917. 16 сент.

² Ген. Деникин. Поход на Москву (очерки русской смуты) // Белое движение: начало и конец. М., 1990. С. 132.

³ Василевский В.И. Забайкальская белая государственность. Чита, 2000.

⁴ Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. Владивосток, 1995. С. 71—73, 77—78; Ивангородский П. К вопросу о Китайско-Восточной железной дороге (из истории железнодорожной интервенции) // Сибирские огни. Новониколаевск, 1925. № 3. С. 164—170; Светачев М.И. Россия, союзники и вопрос о сепаратном государстве в Сибири и на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.) // Гродековские чтения: тез. науч.-практ. конф. 19—20 дек. 1996 г. Хабаровск, 1996. Ч. 1. С. 84—87.

⁵ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1552, л. 105 об.

⁶ Там же. Л. 105 об.—106 об.

⁷ Дальневост. обозрение. Владивосток, 1920. 10 февр.

⁸ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 45.

⁹ Кувадзима Х. К истории японской военной миссии // История Белой Сибири: тез. 4-й науч. конф. 6—7 февр. 2001 г. Кемерово, 2001. С. 113.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1552, л. 42.

¹¹ Там же. Д. 1555, л. 130.

¹² ГАХК. Ф. 1736, оп. 1, д. 51а, л. 139.

¹³ «Злостные для русского дела события». Записки адмирала А.В. Колчака. 1918 г. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 80—81.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 178, оп. 1, д. 1, л. 26, 32, 34 об, 35.

¹⁵ Савченко С.Н. Создание Союза Дальневосточных казачьих войск (осень 1918 г.) // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения: Вторые Гродековские чтения. Хабаровск, 1999. С. 92—93.

- 16 Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). Хабаровск, 2002. С. 134.
- 17 Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. С. 60—61.
- 18 Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 145.
- 19 ГАХК. Ф. 1504, оп. 1, д. 3, л. 222; Уорд Джон. Аргонавты с берегов Темзы: Из записок начальника английского экспедиционного отряда // «Им не убить идеала!..». Хабаровск, 1990. С. 74.
- 20 Далекая окраина. Владивосток, 1918. 29 нояб.
- 21 АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1552, л. 60 а.
- 22 ГАХК. Ф. 44, оп. 1, д. 215, л. 8.
- 23 АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1552, л. 60 а.
- 24 ГАХК. ФР-1503, оп. 6, д. 26, л. 313; Великий океан (Владивосток). 1920. Апрель (?). С. 105.
- 25 Далекая окраина. Владивосток, 1918. 10 дек.
- 26 АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1552, л. 67.
- 27 Савченко С.Н. Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918—1919 гг.) и поездка атамана А.И. Дутова на Дальний Восток (июнь—август 1919 г.) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.): сб. науч. ст. Хабаровск, 1999. С. 51.
- 28 АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1552, л. 178—178 об.
- 29 Там же. Л. 75.
- 30 Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Новосибирск, 1983. С. 118.
- 31 Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопр. ист. 1994. № 8. С. 96—97, 107.
- 32 Там же.
- 33 Наш путь. Маньчжурия, 1919. 17 янв.
- 34 Забайкальская новь. Чита, 1919. 7 янв; Далекая окраина. Владивосток, 1919. 18 янв.
- 35 АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1552, л. 84.
- 36 ГАРФ. Ф. 178, оп. 1, д. 1, л. 45.
- 37 Там же. Д. 21, л. 73.
- 38 Там же. Ф. 178, оп. 1, д. 1, л. 114.
- 39 Светачев М.И. Империалистическая интервенция... С. 110.
- 40 АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 266; Сперанский А.Ф. Роль Японии в «панмонгольском движении» (по материалам общего архива НКВД). Новый Восток. 1922. № 2. С. 592.
- 41 АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 253—253 об., 266 об.; ГАРФ. Ф. 1383, оп. 1, д. 4, л. 2.
- 42 Хаптаев П.Т. Бурятия в годы гражданской войны. С. 39.
- 43 АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 266.
- 44 Гирченко В. Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918—1920 гг.). Улан-Удэ, 1940. С. 48.
- 45 ГАРФ. Ф. 1383, оп. 1, д. 4, л. 2.
- 46 Там же. Л. 5, 6, 7.
- 47 АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 234—238.
- 48 Там же. Л. 266.
- 49 Там же. Л. 253—253 об., 266 об.—269 об.
- 50 Приамурские ведомости. 1919. 15 марта.
- 51 Хаптаев П.Т. Бурятия в годы гражданской войны. С. 51—55; Юзефович Л.А. Самодержец пустыни. (Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). М., 1993. С. 55—56, 67.
- 52 АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 275.
- 53 ГАРФ. Ф. 1383, оп. 1, д. 4, л. 9.

- ⁵⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 259.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. 178, оп. 1, д. 1, л. 114.
- ⁵⁶ Там же. Д. 21, л. 105—107об.
- ⁵⁷ Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. С. 49—50.
- ⁵⁸ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 367.
- ⁵⁹ Там же. Л. 180.
- ⁶⁰ Там же. Л. 198.
- ⁶¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 367.
- ⁶² Там же. Л. 368.
- ⁶³ Забайкальская новь. Чита, 1919. 1, 3 июня; Новости жизни. Харбин, 1919. 3 июня; Голос Приморья. 1919. 3, 6 июня.
- ⁶⁴ Русский Восток. Владивосток, 1919. 25 мая.
- ⁶⁵ Новости жизни. Харбин, 1919. 30 июля.
- ⁶⁶ ГАПК. НСБ. Приказы командующего войсками Приамурского военного округа за 1919 г.
- ⁶⁷ Новости жизни. Харбин, 1919. 23 июля; Дальний Восток. Владивосток, 1919. 24 авг.
- ⁶⁸ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1552, л. 235; Светачев М.И. Империалистическая интервенция... С. 321.
- ⁶⁹ Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско. С. 162—163.
- ⁷⁰ Текст данного соглашения в мае 1920 г. был сообщен русским послом в Токио Крупенским в Пекин князю Кудашеву. См.: Амурская правда. Благовещенск, 1920. 10 (?) июня.
- ⁷¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 51—55; ГАРФ. Ф. 1383, оп. 1, д. 4, л. 19.
- ⁷² Там же. Л. 41.
- ⁷³ ГАХК. Ф. 1039, оп. 1, д. 3, л. 96.
- ⁷⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 54об.
- ⁷⁵ ГАХК. Ф. 1039, оп. 1, д. 3, л. 86.
- ⁷⁶ Там же. Л. 64.
- ⁷⁷ Там же. Л. 67.
- ⁷⁸ Ципкин Ю.Н. Небольшевистские альтернативы развития Дальнего Востока России в период гражданской войны (1917—1922). Хабаровск, 2002. С. 127; Дальневост. правда. Буйвида (деревня), 1920. 7 нояб.
- ⁷⁹ Наш путь. Маньчжурия, 1922. 19 авг.
- ⁸⁰ Восточный курьер. 1919. 9 дек.
- ⁸¹ Наш путь. Маньчжурия, 1922. 17 авг.
- ⁸² Там же. 24 авг.
- ⁸³ Там же. 25 авг.
- ⁸⁴ ГАХК. НСБ. Протоколы заседаний 7-го Войскового круга Амурского казачьего войска. Г. Благовещенск, 16 дек. 1919 г.— 3 янв. 1920 г. Б.м., б.г. С. 65.
- ⁸⁵ Великий океан. Владивосток, 1920. Апрель (?). С. 105; Забайкальская новь. Чита, 1920. 4 янв.
- ⁸⁶ ГАХК. Ф. 959, оп. 1, д. 2, л. 233, 240.
- ⁸⁷ Военный вестник. Владивосток, 1920. 23 янв.
- ⁸⁸ Вечер. Владивосток, 1921. 1 февр.

SUMMARY: “The Far Eastern Cossack Separatism in the Years of Civil war (1918—1920)” is the title of the article written by Candidate of Historical Sciences Sergey Savchenko. The author states that Far Eastern Cossack separatism was one of the reason for defeat of the White movement in Russia for the struggle between atamans against Kolchak government disunited the White movement and made it splitted.